

П. А. Аваков

Новое исследование о русско-турецкой войне 1710–1713 гг.*

(Рецензия на книгу: Артамонов В. А. Турецко-русская война 1710–1713 гг. М.: Кучково поле, 2019. 448 с.)

Новая книга Владимира Алексеевича Артамонова, старейшего отечественного исследователя военной и внешнеполитической истории России Петровской эпохи, посвящена одному из самых сложных, противоречивых и резонансных этапов русско-османских отношений.

До сих пор в исторической науке отсутствовала комплексная работа о русско-турецкой войне 1710–1713 гг., поэтому актуальность и значимость монографического исследования В. А. Артамонова не подлежит сомнению. Как ни парадоксально, эту войну можно считать едва ли не самой малоизученной из всех одиннадцати войн между Россией и Османской империей (в историографии даже не сложилось единого мнения о ее хронологических рамках). Внимание отечественных, турецких, молдавских и украинских историков привлекали, главным образом, отдельные операции кампании 1711 г., прежде всего знаменитый Прутский поход Петра I. Автор давно подступался к этой теме, уже затрагивал ее в одной из своих предыдущих монографий¹, в научно-популярной

* Рецензия подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42049 «Азовский проект» Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней и внутренней политике России конца XVII – начала XVIII в.».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-42049 «The “Azov Project” of Peter the Great: North-Eastern Azov Sea area in the Foreign and Domestic Politics of Russia in the Late 17th – Early 18th Century».

работе² и отдельных статьях. Причем за это время произошла определенная эволюция взглядов ученого на проблему. Если 30 лет назад В. А. Артамонов квалифицировал комплекс отношений между Россией и Османской империей того времени как «Восточный кризис» и датировал его 1710–1714 гг.³, то 20 лет спустя он скорректировал свою точку зрения и уже прямо пишет о «турецко-русской войне 1710–1713 гг.»⁴. Все это говорит о безусловной новизне рецензируемой монографии, некоторые положения которой вызревали долгие годы.

Исследование состоит из введения, пяти глав, заключения и приложений.

Введение открывается краткой сравнительной характеристикой государственного устройства и военного потенциала противоборствующих держав в начале XVIII в. Завершая ее, автор приходит к заключению, что основной причиной исследуемого им конфликта было превращение России в «державу-гегемона Северной и Восточной Европы», чья возрастающая сила близ османских границ от Азова до Днестра «растревожила Стамбул» (с. 11). Лаконичный, но яркий (порой даже чересчур хлесткий) обзор историографии дает достаточно объемное представление о степени изученности темы в России и за рубежом, а также о недостатках и достоинствах, присущих тем или иным трудам. Обзор источниковой базы исследования впечатляет своей широтой и разнообразием. Автор использовал российские, австрийские, шведские, французские, датские, английские и польские документальные и нарративные источники — как опубликованные, так и архивные. Часть из них вводится В. А. Артамоновым в научный оборот впервые, например — материалы Венского государственного архива, хранящиеся в виде копий и регестов в Российском государственном архиве древних актов. Ученый совершил настоящий научный подвиг, посвятив многие годы кропотливой эвристической работе в целом ряде архивов России и других стран.

В главе 1 рассматривается военная стратегия противоборствующих сторон. Учитывая пестрый состав участников конфликта и многовекторность стоящих перед ними задач, автор не ограничивается анализом планов Порты и российского командования. Собственные интересы преследовали крымский хан Девлет-Гирей II и шведский король Карл XII, находившийся в вынужденной эмиграции на территории Османской империи (последний хотя и не являлся участником русско-турецкой войны, но имел к ней самое непосредственное отношение). Не остались без внимания и цели польских и украинских союзников (попутчиков?), сплотившихся вокруг «Карлополиса» под Бендерами. Здесь же описана недооцененная в предшествующей историографии начальная фаза войны: превентивное наступление войск Крымского ханства и его союзников на Присамарье, Слободскую и Правобережную Украину (последняя территория формально принадлежала Речи Посполитой, но контролировалась российскими войсками) в начале 1711 г. Как показал автор, этот массивный набег имел большое значение для развития стратегии Стамбула накануне Прутского похода, поскольку «оголодил пути будущего

наступления русской армии к османским границам» (с. 86). С учетом того, что создать надежный плацдарм в Молдавии и Валахии Петру I не удалось, такой результат набега оказался для России весьма ощутимым. Глава содержит немало других ценных наблюдений. Удачно проведена параллель между майским универсалом украинского гетмана в эмиграции Ф. Орлика 1711 г. и фальшивым «завещанием Петра Великого» (впрочем, в историографии уже высказывалось мнение о связи между этими двумя текстами⁵). Здесь же даны развернутые характеристики представителей российского генералитета, участвовавших в кампании.

В главе 2, посвященной Прутскому походу 1711 г., автор подробно, шаг за шагом, знакомит читателя с развитием военного конфликта на самой его активной фазе. При этом большое внимание уделено и османской стороне, что выгодно отличает рецензируемый труд от интересной монографии Я. Е. Водарского⁶. В. А. Артамонов отказался от привычного, общепринятого со времен Петра I и давно утвердившегося в историографии наименования операции и называет ее «Дунайским походом», что выглядит даже несколько экстравагантно (учитывая, что и сам царь называл поход Прутским). Рассыпанные по тексту многочисленные цитаты из документов и мемуаров придают исследованию особый колорит, так как голоса свидетелей и современников событий помогают лучше понять и ощутить эпоху, увидеть ее их глазами. За крупной военной акцией от взора автора не укрылись и яркие частные эпизоды боевой повседневности, в том числе апокрифический пример личной отваги и чело- веколюбия главнокомандующего российской армией генерал-фельдмаршала графа Б. П. Шереметева, спасшего жизнь рядовому солдату, атакованному османским кавалеристом (с. 152). В. А. Артамонов в некотором смысле реабилитировал генерала Л. Г. Януса фон Эберштедта: его действия на берегу Дуная не отличались успешностью, но не они стали причиной неудачного исхода кампании. Ключевым в авторской концепции является обоснованный тезис о том, что 10 июля 1711 г. «русская сторона прервала сражение при нерешенном результате» (с. 179). Большого внимания заслуживает новаторское суждение о гипнотическом воздействии официальной «Истории Свейской войны» на историков, изучавших Прутский поход. Этот талантливый, но тенденциозный труд, составленный для прославления деяний Петра I и им же отредактированный, преподносил события в выгодном царю ракурсе. «Препарированное описание» похода в нем «в значительной мере противоречит актовым документам того времени», отмечает историк. Вслед за Петром I, находившимся во время сражения у Прута в состоянии паники (и, возможно, эпилептического припадка), «вся отечественная историография объясняла Прутский мир потерями от обстрела, невозможностью отступить из-за нехватки лошадей, изнурения пехоты, истощения провианта» (с. 24–25, 173–174, 178, 233–234). Прodelанный автором анализ ряда источников показывает, что положение российской армии не было безоговорочно катастрофичным.

Глава 3 знакомит со сложными обстоятельствами заключения Прутского мирного договора. В отличие от предшественников, В. А. Артамонов оценивает соглашение не столь трагично. Ведь, приступая к переговорам, османское командование учитывало, что «к моменту перемирия Русская армия не потерпела поражения». Оказанный ею отпор, по мнению автора, «был главной причиной щадящих условий мира, которому турки были “безмерно рады”». «Обе стороны изначально стремились скорее свернуть войну, обе недооценили свои силы и переоценили мощь противника», — напоминает В. А. Артамонов, попутно замечая, что денежные посулы российских дипломатов являлись лишь «побочной причиной» быстрого подписания мирного договора (с. 184, 196–197). В качестве наглядной иллюстрации нежелания османов продолжать сражение приводятся три независимых друг от друга свидетельства современников (в том числе участника похода) о случаях братания янычаров с русскими солдатами, предшествовавших заключению мира. Поэтому нет ничего удивительного в том, что бессрочный Прутский мирный договор был «согласован всего за два дня» (10 и 11 июля), и на третий день (12 июня) подписан (с. 184, 187–188). Его подписание привело к ситуации, по своей парадоксальности сравнимой разве что с итогами Бородинского сражения 1812 г.: «...турки сочли бои 8–10 июля безусловной победой, русские — создали вид непобежденности» (с. 200). В этой же главе рассматриваются действия на трех других, второстепенных театрах войны — в низовьях Днепра, в Северо-Восточном Приазовье и Прикубанье. Уделено внимание и войне на Балканах, которую параллельно вели против османов сербы, поддерживавшие наступление российской армии.

Как известно, заключение Прутского мира не стало завершением начавшегося в конце 1710 г. русско-турецкого конфликта, и после этого Порты еще дважды объявляла войну России. «Несостоявшиеся» вторая и третья войны, формально продолжавшиеся с октября 1711 по апрель 1712 г. и с октября 1712 по июнь 1713 г., рассматриваются в 4-й главе. Их внешне- и внутривосточная подоплека, а также дипломатический фон уже обращали на себя внимание отечественных историков⁷, в отличие от военного аспекта событий, до сих пор остававшегося неизученным. Автор подробно анализирует изменившиеся планы сторон и шаги по их реализации, например — оборонительные мероприятия российского командования на границе с Османской империей от Киева до Харькова. Историком впервые был установлен факт реконструкции осенью 1712 г. земляных укреплений Москвы, построенных в 1707–1708 гг. в ожидании шведского нашествия (с. 303). Особенный интерес представляет исследованная В. А. Артамоновым безуспешная попытка сближения Москвы с Бахчисараем, предпринятая в 1712 г. в рамках подготовки к войне. Как показал автор, «обоюдный русско-крымский зондаж все же имел положительный результат: он почти разорвал отношения шведов с татарами» (с. 329).

В главе 5 освещается окончание эпопеи. Автор показывает, что заключению Адрианопольского мирного договора предшествовала длительная и упорная

дипломатическая борьба, которую вели на переговорах с османскими чиновниками послы барон П. П. Шафиров и граф М. Б. Шереметев в 1713 г. Переговоры проходили в весьма напряженной обстановке. 13 июня мирный договор был подписан российскими дипломатами под беспрецедентным давлением османского двора, сопровождавшимся угрозами казни и объявления войны (на их подворье даже был прислан палач). Тем не менее Адрианопольский мир оказался более долговечным, чем Прутский и Константинопольский 1711–1712 гг.: в 1720 г. он был продлен как бессрочный и просуществовал вплоть до начала следующей русско-турецкой войны в 1735 г. Финальным аккордом всего комплекса русско-турецких отношений 1710–1713 гг. стало межевание границы между двумя государствами в 1714 г. — ее самый северный отрезок прошел через территорию нынешнего г. Ростова-на-Дону. В. А. Артамонов констатирует, что урегулирование конфликта отвечало интересам обеих сторон: султан и великий везир «были довольны тем, что трижды — в 1711, 1712 и 1713 гг. — взяли верх над Россией», а царь «мог быть удовлетворен, что избавился от войны на юге» (с. 398). Не случайно расставание османского двора с российскими послами было «полюбовным»: на прощальной аудиенции 29 августа 1714 г. их потчевали шербетом, одарили кафтанами и проводили с почетом. При этом великий везир Али-паша не преминул напомнить П. П. Шафирову о желательности возобновления ежегодной выплаты «поминков» крымскому хану для умиротворения татар, на что получил отповедь (с. 398). Благодаря дипломатическому искусству подканцлера, проявленному на переговорах в Адрианополе, этот вопрос был сформулирован в договоре туманно и навсегда исчез с внешнеполитической повестки дня.

В заключении автор резюмирует итоги своего масштабного исследования. Он оспаривает утвердившуюся в отечественной историографии традицию зачислять русско-турецкую войну 1710–1713 гг. «в рубрику второразрядных эпизодов на фоне успешных кампаний на Балтике». В действительности этот конфликт имел целый ряд ощутимых и долгосрочных последствий негативного свойства: Петр I лишился значительной части влияния в дунайских княжествах, на Балканах и на Северном Кавказе, затянулась еще на несколько лет Северная война. Можно было бы упомянуть, что после урока на Пруте царь больше не предпринимал попыток реализовать свой «черноморский проект» даже при благоприятной международной обстановке. «Тем не менее, — заключает В. А. Артамонов, — походы войск Петра в направлении Дуная, Крыма и Кавказа стали новым этапом русской политики в “восточном вопросе” и предвестием османских неудач в войнах XVIII — первой четверти XIX в.» (с. 401), с чем нельзя не согласиться.

В приложении опубликованы посвященное событиям 1711 г. известное стихотворение Феофана Прокоповича «За Могилою Рябою» с развернутым историческим комментарием и пространные извлечения из капитального двухтомного труда классика турецкой историографии А. Н. Курата о Прутском походе⁸

в переводе Н. В. Белеры. К сожалению, переводчик не указал не только страницы издания, откуда были сделаны извлечения, но даже номера тома и главы.

Написанный на высоком научном уровне труд В. А. Артамонова, как и любое научное исследование, не лишен спорных моментов и некоторых недостатков. Прежде всего, вызывает сомнение резонность предложенного наименования войны «турецко-русской», обоснованного автором весьма оригинально: «Так как объявление войны последовало со стороны Турции, разумнее дать заголовок “Турецко-русская война 1710–1713 гг.”, в отличие от существующего обычая именовать все войны России как “русско-турецкие”, “русско-шведские”, “русско-польские” и т.д.» (с. 12). Представляется, что решающим фактором здесь должен служить предмет исследования, а не то, какая из сторон первой начала войну. Иначе, следуя логике автора, нам придется переименовать многие войны, включая Великую Отечественную. Турецко-русской войну 1710–1713 гг. могут называть лишь историки, изучающие ее с османской стороны.

Критикуя во введении своих коллег по цеху, В. А. Артамонов в полемическом задоре иногда отходит от академических традиций и пускается в морализаторство, уместное в публицистических работах, но не в научных трудах. Порой он переходит грань и буквально навешивает на других авторов ярлыки — например, называет Д. В. Сеня «певцом донского казачьего сепаратизма» (с. 22), не поясняя, какое отношение имеют работы этого исследователя к теме рецензируемой монографии. В любом случае термин «сепаратизм», даже в самом широком его понимании, вряд ли применим для характеристики специфических взаимоотношений обладавших известной автономией казачьих сообществ Юга России и абсолютизирующегося государства на рубеже XVII–XVIII вв. Курьезным недоразумением выглядит приписанное Е. В. Анисимову (без ссылки) резкое заявление, что «он “ненавидит Петра Великого, потому, что тот построил полицейское государство»» (с. 20–21). Похоже, здесь мы имеем дело с историографической дисконмуникацией. Знакомство с работами Е. В. Анисимова не оставляет сомнения в том, что при всем своем критическом отношении к деятельности и наследию первого российского императора (что само по себе оправданно), историк испытывает к нему симпатию — такую, какую ученые нередко питают к своему главному предмету исследования.

Уже упоминавшийся Лебрехт Годфрид Янус фон Эберштедт (1660–1718) ошибочно именуется в книге генерал-фельдмаршалом-лейтенантом. Между тем этот чин он имел в армии Франконского округа Священной Римской империи германской нации, пока не поступил в сентябре 1708 г. на российскую службу генералом от кавалерии⁹. Именно в качестве полного генерала Л. Г. Янус фон Эберштедт неизменно фигурирует в опубликованных источниках 1708–1711 гг. (переписка Петра I, походный журнал графа Б. П. Шереметева, записки датского посланника Ю. Юля и бригадира Ж.-Н. Моро де Бразе, участвовавшего в Прутском походе под непосредственным командованием этого военачальника, и др.).

Описывая ход адрианопольских мирных переговоров в апреле 1713 г., В. А. Артамонов затрудняется с определением служебного статуса возглавлявшего османское правительство Ибрагима-паши и считает его все еще каймакамом — исполняющим обязанности великого везира (с. 356–357). Однако именно в этом месяце он уже занимал должность великого везира — правда, в течение всего двадцати одного дня (с 6 по 27 апреля по новому стилю), пока не был смещен и казнен султаном Ахмедом III за интриги¹⁰. Неверно, что российская пограничная крепость Каменный Затон «появилась» в 1704 г. (с. 29) — ее построили еще в 1701 г.¹¹ Называть Кубанскую орду Малой ногайской ордой некорректно, так как эти кочевые объединения существовали в разные исторические периоды: первое сформировалось к концу XVII в. в том числе из остатков второго, распавшегося еще в 1640-х гг.¹²

Встречаются и другие фактические неточности. Некоторых из них, вероятно, удалось бы избежать, будь у книги ответственный редактор. Несколько неряшливо оформлены подстрочные примечания: в них ссылки то и дело даются без скобок и следуют прямо за авторским текстом как его продолжение — но это скорее претензия к корректорам издательства. Имеются оплошности на исторических картах — например, сражение с османским десантом произошло 22 июля 1711 г. не к северу от Таган-рога, а к юго-западу от него — у Петрушиной косы (тубы)¹³. Иногда автором употребляется неуместная разговорная лексика: «раздул погудку Мазепы» (с. 76), «в Крыму в то время гуляла поголовка» (с. 324), «вздувшееся величие подталкивало Порту еще раз нагнуть Россию» (с. 382) и др. Однако отмеченные погрешности имеют частный характер и несколько не умаляют достоинств работы, знакомство с которой оставляет самое положительное впечатление.

Рецензируемая монография подводит своеобразный итог многолетнему исследованию автором этой темы и является серьезным вкладом в изучение внешнеполитической и военной истории России первых десятилетий XVIII в. Книга написана хорошим, понятным, лаконичным языком, благодаря чему читается легко, как увлекательный приключенческий роман. Несмотря на обилие разного рода подробностей и критических замечаний (часть которых удачно выведена в примечания), текст ничуть не тяжеловесный. Несомненно, выход книги стал заметным историографическим событием, и она привлекла внимание заинтересованных читателей. Правда, о ее тираже приходится только догадываться — в выходных данных он не указан.

¹ Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). М., 1990.

² Артамонов В. А. Дунайский поход Петра I: Русская армия в 1711 г. не была побеждена. М., 2015 (Ратное дело).

- ³ *Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). С. 18, 152.
- ⁴ *Артамонов В. А.* Сербь и турецко-русская война 1710–1713 гг. (к 300-летию русско-сербского боевого содружества) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, № 3. С. 333, 336–339.
- ⁵ *Subtelny O.* “Peter I’s Testament”: A Reassessment // *Slavic Review*. 1974. Vol. 33, no. 4. P. 663–678.
- ⁶ *Водарский Я. Е.* Загадки Прутского похода Петра I. М., 2004.
- ⁷ *Крылова Т. К.* 1) Русско-турецкие отношения во время Северной войны // Исторические записки. Т. 10. М., 1941. С. 272–275; 2) Русская дипломатия на Босфоре в 1711–1714 гг. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. (экономика, политика и культура): Сборник статей. М., 1966. С. 410–446; *Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 138–187.
- ⁸ *Kurat A. N.* Prut Seferi ve Barışı 1123 (1711). С. 1. Ankara, 1951. S. 444–491.
- ⁹ *Willax F.* Das Fürstentum Brandenburg-Ansbach und der Fränkische Kreis im Spanischen Erbfolgekrieg: Die Karriere des Generals Lebrecht Gottfried Jahnus von Eberstädt vom ansbachischen Offizier zum General Zar Peters des Grossen. Ansbach, 2003 (Serie Mittelfränkische Studien. Bd. 16). S. 157–213; Письма и бумаги императора Петра Великого / Ред. А. И. Андреева. Т. 7. Вып. 2. М.; Л., 1946. Прим. к № 2389. С. 761, 763; Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 83. Оп. 2. Кн. 4. Л. 128 — 128 об.; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 161. Оп. 1. Д. 436. Л. 2 об.
- ¹⁰ *Kurat A. N.* İsvç Kralı XII Karl’ın Türkiyede kalışı ve bu Sıralarda Osmanlı İmparatorluğu. İstanbul, 1943. S. 650–658; *Tektaş N.* Sadrâzamlar: Osmanlı’da İkinci Adam Saltanatı. İstanbul, 2002. S. 355–356.
- ¹¹ *Эварницкий Д. И.* История запорожских козаков. Т. 3. СПб., 1897. С. 301; РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 24. Л. 158–159.
- ¹² *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. 2-е изд., испр. и доп. Казань, 2016. С. 411, 422–423, 425, 428.
- ¹³ РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1711 г. Д. 11. Л. 6 — 6 об.; *Аваков П. А.* Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII — начале XVIII в.: завоевание, колонизация, управление: Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2011. С. 287.

REFERENCES

Artamonov V.A. Dunajskij pohod Petra I: Russkaya armiya v 1711 g. ne byla pobezhdena [The Danube Campaign of Peter I: The Russian Army in 1711 was not defeated]. Moscow, 2015 (Ratnoe delo) (in Russ.).

Artamonov V.A. Rossiya i Rech’ Pospolitaya posle Poltavskoj pobedy (1709–1714) [Russia and Polish-Lithuanian Commonwealth after the Poltava victory (1709–1714)]. Moscow, 1990 (in Russ.).

Artamonov V.A. Serby i turecko-russkaya vojna 1710–1713 gg. (k 300-letiyu russko-serbskogo boevogo sodruzhestva) [Serbians and Turkish-Russian war 1710–1713 (300 years of Russian-Serbian battle concord)] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. 2011. T. 13, no. 3. S. 333–341 (in Russ.).

Avakov P.A. Severo-Vostochnoe Priazov’e v sostave Rossijskogo gosudarstva v konce XVII — nachale XVIII v.: zavoevanie, kolonizaciya, upravlenie: Diss. ... kand. ist. nauk [The North-Eastern Azov Sea area within Russian state at the end of 17th and the beginning of the 18th Century: The conquest, colonization, management: The thesis on competition of an academic degree of Candidate of Historical Sciences]. Rostov-on-Don, 2011 (in Russ.).

Evarnickij D.I. Istoriya zaporozhskih kozakov [History of Zaporozhian Cossacks]. Т. 3. St. Petersburg, 1897 (in Russ.).

Krylova T. K. Russkaya diplomatiya na Bosfore v 1711–1714 gg. [The Russian diplomacy on Bosphorus in 1711–1714] // *Mezhdunarodnye svyazi Rossii v XVII–XVIII vv. (ekonomika, politika i kul'tura): Sbornik statej.* Moscow, 1966. P. 410–446 (in Russ.).

Krylova T. K. Russko-tureckie otnosheniya vo vremya Severnoj vojny [Russian-Turkish relations during the Great Northern War] // *Istoricheskie zapiski.* T. 10. Moscow, 1941. P. 250–279 (in Russ.).

Kurat A. N. Prut Seferi ve Barışı 1123 (1711). Cilt. 1. Ankara, 1951 (Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi, Tarih Enstitüsü Yayınlarından. No. 8).

Kurat A. N. İsveç Kralı XII Karl'ın Türkiyede kalışı ve bu Sıralarda Osmanlı İmparatorluğu. İstanbul, 1943.

Oreshkova S. F. Russko-tureckie otnosheniya v nachale XVIII v. [Russian-Turkish relations at the beginning of the 18th Century]. Moscow, 1971 (in Russ.).

Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo / Red. A. I. Andreeva. T. 7. Vyp. 2. Moscow; Leningrad, 1946.

Subtelny O. "Peter I's Testament": A Reassessment // *Slavic Review.* 1974. Vol. 33, No. 4. P. 663–678.

Tektaş N. Sadrâzamlar: Osmanlı'da İkinci Adam Saltanatı. İstanbul, 2002.

Trepavlov V. V. Istoriya Nogajskoj Ordy [History of the Nogai Horde]. 2-e izd., ispr. i dop. Kazan', 2016 (in Russ.).

Vodarskij Ya. E. Zagadki Prutskogo pohoda Petra I [Mysteries of the Prut Campaign of Peter I]. Moscow, 2004 (in Russ.).

Willax F. Das Fürstentum Brandenburg-Ansbach und der Fränkische Kreis im Spanischen Erbfolgekrieg: Die Karriere des Generals Lebrecht Gottfried Jahnus von Eberstädt vom ansbachischen Offizier zum General Zar Peters des Grossen. Ansbach, 2003 (Serie Mittelfränkische Studien. Bd. 16).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

П. А. Аваков. Новое исследование о русско-турецкой войне 1710–1713 гг. (Рецензия на книгу: Артамонов В. А. Турецко-русская война 1710–1713 гг. М.: Кучково поле, 2019. 448 с.) // Петербургский исторический журнал. 2022. № 2. С. 213–221

Аннотация: Рецензируемая монография является серьезным вкладом в изучение внешнеполитической и военной истории России первых десятилетий XVIII в. В. А. Артамонов использовал большой массив исторических источников (прежде всего архивных) и предложил ряд новаторских оценок и выводов.

Ключевые слова: русско-турецкая война 1710–1711 гг., Петр I, Прутский поход 1711 г., Прутский договор 1711 г., история внешней политики России.

FOR CITATION

P. A. Avakov. A new study about the Russian-Turkish War of 1710–1713 (Review of the monograph: Artamonov V. A. The Turkish-Russian War of 1710–1713. Moscow: Kuchkovo pole, 2019. 448 p.) // Petersburg historical journal, no. 2, 2022, pp. 213–221

The monograph under review is a serious contribution to the study of the foreign policy and military history of Russia in the first decades of the 18th century. V. A. Artamonov used a large array of historical sources (primarily archival ones) and offered a number of innovative assessments and conclusions.

Key words: Russian-Turkish War of 1710–1711, Peter the Great, Pruth Campaign of 1711, Treaty of the Pruth of 1711, history of Russian foreign policy.

Автор: Аваков, Петр Ашотович — к. и. н., старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южного научного центра Российской академии наук.

Author: Avakov, Pyotr Ashotovich — Cand. Sci. (History), Senior Research Associate of the Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: pavakov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9051-5611